

И.В. Игнатченко

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СЕВЕРНАЯ АФРИКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДОЛЬФА ТЬЕРА

В статье рассматриваются внешнеполитические взгляды и политика французского государственного деятеля XIX в. Адольфа Тьера в отношении Ближнего Востока и Северной Африки. Действия Тьера на посту главы министерства иностранных дел Франции вписаны в более широкий контекст англо-французского соперничества в Средиземноморье в XIX в. Большое внимание уделено выявлению инструментов влияния Франции в регионе и подходов А. Тьера к проблеме англо-французского соперничества в Средиземном море. Изучаются возможные причины интереса Тьера к данному региону, эволюция его внешнеполитических взглядов. Восточный кризис 1840 г., когда Тьер возглавлял правительство, рассматривается в рамках этой эволюции взглядов.

Ключевые слова: Франция, Великобритания, А. Тьер, Восточный кризис, Алжир, Османская империя, соперничество

Адольф Тьер – один из наиболее ярких и видных политических деятелей Франции Нового времени. Французский историк Ж. Ру так охарактеризовал его: «Тьер – это весь наш XIX век: Реставрация, Июльская монархия, революция 1848 года, Вторая империя, война 1870 года, Парижская коммуна, Третья республика. Этот человек все видел и все пережил. Он был очевидцем и актером. Он не только активно участвовал в каждом из этих событий, играя там решающую роль, но еще на протяжении всех этих сменяющихся друг друга потрясений часто воплощал душу самой Нации. Казалось, ему одному принадлежал весь мир – мир XIX века, полный величия и славы...»¹

В годы Июльской монархии (1830–1848 гг.) Тьер входил в число самых влиятельных политиков Франции: дважды возглавлял кабинет министров, неоднократно занимал посты министра иностранных дел и министра внутренних дел Франции. В 1871 г. он стал одним из основоположников Третьей республики во Франции – самого продолжительного политического режима в истории этой страны Нового времени – и первым ее президентом. Кроме того, Тьер – еще и знаменитый историк

¹ Горь Владиславович Игнатченко, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического отделения факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

¹ Roux G. Thiers. P., 1948. P. 7.

Франции своего времени, известный благодаря многотомным произведениям «История Французской революции» и «История Консульства и Империи»¹.

Однако российским читателям Тьер известен в первую очередь как «кровавый карлик», жестоко подавивший Парижскую коммуну 1871 года. В отечественной историографии он до последнего времени воспринимался еще и как политик, несущий ответственность за Восточный кризис 1839–1841 гг. В то же время представления Тьера о Ближнем Востоке, его отношение к этому региону и конкретная политическая деятельность в ближневосточном регионе до сих пор остаются за рамками исторических исследований.

Не будет преувеличением сказать, что связь Тьера с Востоком была заложена в его генах: прадед Тьера, грек по происхождению, Антуан Ломака был антикваром и впоследствии стал официальным поставщиком ювелирных изделий для гарема турецкого султана². Дед А. Тьера по материнской линии Клод Амик управлял торговой факторией богатых negociants Сейманди, торговавших с Османской империей. Интерес Тьера к Востоку можно объяснить и тем обстоятельством, что он родился в 1797 г. в Марселе, крупном портовом городе, с давних пор имевшем торговые связи с Ближним Востоком.

Интерес Тьера к Ближнему Востоку и Северной Африке был обусловлен и тем, что одним из важнейших факторов внешней политики Франции в период его карьеры государственного деятеля явилось завоевание французами Алжира, начатое в последние месяцы режима Реставрации. В начале 30-х гг. XIX века Тьер, избранный в палату депутатов и тем самым ставший политиком, должен был сформулировать свое отношение к проблеме колонизации Алжира и политике Франции на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

На этапе, когда алжирская экспедиция только намечалась, тогда еще журналист парижской газеты «Насьональ» Тьер в своих статьях высмеивал и осуждал правительство Ж. Полиньяка за эту «выходку», «безумную трату людей и денег»³. Французские либералы боялись, что экспедиция приведет к ухудшению англо-французских отношений. В самом деле, Великобритания стремилась не допустить усиления Франции в Средиземном море и на североафриканском побережье, и поэтому английское пра-

¹ Тьер А. История Консульства и Империи. Т. 1–4. СПб., 1846–1849; Тьер А. История французской революции. 1788–1799. Т.1–5. СПб, 1873–1877.

² Allison M. S. J. Thiers and the French monarchy. Boston, 1926. P. 8.

³ Le National de 1830. 1830. 6, 9, 11, 22 février; Le National de 1830. 1830. 2, 22 mars; Le National de 1830. 1830. 7 mai.

вительство подстрекало алжирского бея к активному сопротивлению Франции. Более того, Великобритания добивалась от французского правительства письменного обязательства, что Франция не претендует на завоевание Алжира, и грозила отправкой своего флота к его берегам¹.

Однако с июня 1830 года тон А. Тьера потихоньку начал меняться. Когда корабли уже были в море, Тьер с оговорками предположил, что благодаря «бравому адмиралу» успех может быть обеспечен². Когда экспедиция завершилась успешно, журналист быстро превратился в одного из главных «идеологов» этой затеи. На страницах газеты «Насьональ» Тьер высказал удовлетворение от морского похода, однако добавил, что правительству не следует радоваться, потому что это якобы общая победа всех французов, а не только министерства Полиньяка³. Надо сказать, что позиция Тьера по вопросу о колонизации Алжира была созвучна мнению большинства французских либералов, которые сначала считали это предприятие опасным и рискованным, но очень быстро превратились в горячих сторонников колонизации Алжира.

Став премьер-министром и министром иностранных дел в 1836 г., Тьер оставался верен курсу на колонизацию Алжира: «Я заявляю это от имени кабинета министров, позиция правительства категорична; правительство продолжает рассматривать завоевание Алжира как великое дело, полезную вещь для Франции, отказаться от которой ему было бы не только досадно, но и позорно...»⁴. Действительно, колонизация Алжира оставалась важной задачей внешней политики Франции в 30-е годы XIX века. В то же время французское правительство было вынуждено регулярно защищать идею продолжения завоевания от нападков парламентариев, часто проявлявших нерешительность по этому вопросу. Если сторонники полного и быстрого ухода из Алжира были крайне малочисленны во французском парламенте, то многие депутаты хотели бы остановиться на завоевании некоторых прибрежных пунктов на севере Африки и этим ограничиться. Другие, напротив, выступали за полное завоевание Алжира.

Французский социалист Луи Блан в своих воспоминаниях «История десяти лет» объяснял позицию Тьера по алжирскому вопросу стремлением обеспечить за Францией военно-политический контроль лишь над стратегическими пунктами в Средиземном море: «Поскольку сущностью идей господина Тьера был империализм, то Алжир ему нравился

¹ Garnier I. Charles X. P., 1967. P. 163–181.

² Le National de 1830. 1830. 13 juin.

³ Le National de 1830. 1830. 17 juin.

⁴ Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueils complets des débats législatifs et politiques des chambres françaises. Fondé par J. Mavidal et E. Laurent. P., 1862. 2ème série. Vol. 102. P. 326.

как питомник для солдат... Концепции Тьера во всех отношениях не были достойны принципа, который отстаивала Франция во всем мире. У него не возникала идея государственной колонизации – идея, которая казалась невыполнимой в силу своей масштабности. Увеличивать военное присутствие, обеспечить Франции морские пункты базирования вдоль всего африканского побережья, откуда она могла бы контролировать коммуникации и подчинить себе Средиземное море, свое присутствие в котором следовало защищать во время мира и в случае войны, если понадобится, спустить там с цепи корсаров – Тьер только так понимал цель завоевания»¹.

В целом же по алжирскому вопросу Тьер в 1836 г. придерживался политики предыдущего кабинета министров под председательством герцога В. де Бройля, высказавшегося в пользу продолжения завоевания Алжира. Надо отметить, что все крупные французские газеты однозначно выступали в поддержку такой политики². Либеральные журналисты писали о катастрофических последствиях для Алжира и для самой Франции в случае принятия решения об ограниченной оккупации. Они считали, что завоевание Алжира, «самой красивой колониальной жемчужины» Франции³, – это вопрос престижа Июльской монархии, и в данном вопросе не следует обращать внимание на размер финансовых затрат по колонизации Алжира.

В колонизации Алжира Тьер видел шанс на обретение Францией статуса великой средиземноморской державы. Поэтому и после своей отставки, в 40-е гг. XIX в., он последовательно выступал за продолжение колонизации Алжира⁴. Как писал Луи Блан, Тьер был «единственной крупной фигурой, демонстрирующей силу воли в отношении Алжира»⁵. Такая позиция была связана с тем, что повышать престиж своей страны французские политики могли только за счет новых колоний за пределами европейского континента. Тьер отлично понимал, что ни он, ни его коллеги по кабинету министров Июльской монархии не могли пересмотреть в одностороннем порядке ненавистные всем французам трактаты, принятые на Венском конгрессе в 1815 году и определившие государственные границы в Европе. В условиях, когда «исправить» границы в Европе в пользу Франции было невозможно, политической элите страны оставалось только обратить внимание на «ничейные»

¹ *Blanc L. Histoire de dix ans. 1830–1840. P., 1844. Vol. 5. P. 172.*

² *Le Journal des Débats. 1836. 6, 11 juin.*

³ *Le Constitutionnel. 1836. 16 avril.*

⁴ *Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. P., 1880. Vol. 6. P. 84–85.*

⁵ *Blanc L. Histoire de dix ans. 1830–1840. P., 1843. Vol. 2. P. 483.*

территории Северной Африки. В этом отношении колонизация Алжира, начатая в 1830 году, давала отличный шанс новому политическому режиму во Франции.

К 1836 г., когда А. Тьер возглавил кабинет министров, алжирский вопрос уже приобрел международное значение. Не все европейские державы готовы были смириться с усилением позиций Франции в Средиземноморье. Так, британское правительство опасалось, что французы и далее продолжат расширение своих владений в Северной Африке и навяжут Тунису протекторат¹. Тому были основания, поскольку по мере колонизации Алжира аппетиты французских политиков росли. Тот же Тьер после успеха экспедиции в Алжир 1830 года стал призывать со страниц газеты «Насьональ» к завоеванию Триполи, Туниса и всего североафриканского побережья².

Хотя Тунис, как и Алжир, формально подчинялся Османской империи, в действительности Порта осуществляла лишь номинальный контроль над этой североафриканской территорией. Вместе с тем Великобритания, имевшая в середине 1830-х гг. существенное политическое влияние на турецкого султана, подстрекала Порту оказать поддержку племенам, боровшимся против французских колонистов в Африке. Внешне признавая французское завоевание Алжира, Порта на самом деле не смирилась с потерей своего влияния в Северной Африке.

В 1836 г. власти Османской империи предприняли попытку восстановить свои позиции в этом регионе, отправив флот к берегам Северной Африки. Однако в конечном итоге эта эскадра дошла только до Триполи³. Действия султана вызвали серьезную обеспокоенность французского правительства⁴. К активным действиям в алжирском вопросе Тьера как главу кабинета подталкивал и король Луи-Филипп⁵. Премьер-министр срочно отправил к Тунису эскадру из семи кораблей под командованием адмирала Югона, который получил приказ побудить тунисского бея к восстанию против Османской империи, если турки приблизятся к берегам Туниса⁶.

Кроме того, Тьер написал французскому послу в Константинополе

¹ Archives du Ministère des Affaires étrangères (далее ААЕ). Correspondance politique. 1836. Angleterre. Vol. 647. Fol. 31. Sebastiani à Thiers, 29 juillet 1836.

² Le National de 1830. 1830. 14, 20, 22 juillet; *Knibiehler Y.* Naissance des sciences humaines. Mignet et histoire philosophique au XIX siècle. P., 1973. P. 192–195.

³ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 35. Roussin à Thiers, 21 juillet 1836.

⁴ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 24. Thiers à Roussin, 15 mai 1836.

⁵ Bibliothèque Nationale de France. Département des manuscrits (далее BNF). Papiers de Thiers. NAF. №20064. Fol. 23. Billet de Louis-Philippe du 28 mai 1836.

⁶ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 37. Roussin à Thiers, 21 juillet 1836.

адмиралу А. Руссену личное письмо: «Для того, чтобы наши отношения с Портой значительно не ухудшились в связи с алжирскими делами, необходимо переговорить с ней категорично и определенно. Возведите в фундаментальный принцип наше желание полностью сохранить регентство над Алжиром и быть там несменяемыми государями. Только что послали из Константинополя в город Константину агента, который, не имея инвеституры, получил денежные средства, лошадей, наконец, все знаки отличия, свидетельствующие о повинности вассала по отношению к своему сюзерену. Мы не намерены больше сносить подобные вещи»¹.

В свою очередь посол Франции в Константинополе Руссен выразил бурный протест против военной экспедиции турок, предостерег Порту от повторения в будущем подобных акций и потребовал от правительства Османской империи не пытаться восстановить свою власть в Тунисе – на территории, которая на тот момент Франции не принадлежала и на которую официально Франция не претендовала. Депеша Руссена к Тьеру во многом объясняет позицию французского правительства по тунисскому вопросу: «появление турецкой эскадры... приписывают желанию Порты свергнуть тунисского бея, заменить его руководителем, менее преданным Франции, который окажется более враждебен планам французских войск пройти по территории Туниса...»².

Французское правительство не хотело, чтобы Марокко и Тунис были подчинены какому-либо третьему государству. В Париже резонно опасались, что в случае попадания этих стран в орбиту интересов иных держав, не заинтересованных в расширении подвластных Франции африканских колоний, процесс завоевания Алжира может быть временно заторможен или попросту остановлен³. Французы опасались, что эти земли могут быть использованы их конкурентами как плацдарм для поддержки алжирских повстанцев, боровшихся против французских войск. Правительство Июльской монархии выступало против любого присутствия Порты в Триполи, и тем более в Тунисе. Во Франции боялись, что даже простое присутствие османских войск неподалеку может воодушевить африканские племена настолько, что Триполи начнет помогать восставшим племенам в Алжире. Статус-кво в Тунисе был условием для поддержки Францией Османской империи: «Нужно убедить Порту, и это соответствует действительности, что мы, тем не менее, являемся ее луч-

¹ BNF. Papiers de Thiers. NAF. № 20064. Fol. 36. Dépêche de Thiers à Roussin, 2 juillet 1836.

² ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 37. Roussin à Thiers, 21 juillet 1836.

³ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 36. Roussin à Thiers, 21 juillet 1836.

шими друзьями, но при условии, что в качестве платы за нашу поддержку, она не будет создавать нам неприятностей в Африке»¹, – инструктировал Тьер адмирала Руссена.

В период министерства Тьера 1836 г. возникли трудности в отношениях между Францией и Марокко. Французское правительство обвинило власти Марокко в поддержке предводителя алжирских повстанцев Абд-аль-Кадира, а также в том, что марокканцы участвовали 27–29 января 1836 г. в сражениях против французских войск в Алжире². По поручению Тьера французский представитель А. Мешан потребовал от султана Марокко наказать тех марокканцев, которые выступили на стороне Абд-аль-Кадира. Однако ему было заявлено, что речь шла об иррегулярных отрядах, которые султану не подчиняются³. На этом инцидент был исчерпан.

Важно отметить, что французское правительство рассматривало все перемены в политической ситуации на севере африканского континента в контексте англо-французского соперничества в Средиземноморье. Так, правительство Тьера специально отправило своего представителя в Гибралтар в августе 1836 г., чтобы установить достоверность активно циркулировавших слухов о том, что за антифранцузскими волнениями в Северной Африке стоит Великобритания. По слухам, именно англичане подстрекали марокканцев оказать помощь войскам Абд-аль-Кадира, о чем писала французская пресса того времени⁴. Французскому консулу было поручено на месте опросить местное арабское население и оценить обстановку. Итогом поездки стала записка, адресованная Тьеру: «С тех пор как я приехал на Гибралтар, я постарался ничего не упустить из виду и стал проверять информацию. В этом городе арабские вожди, которых беспокоят французские владения в Северной Африке, запасаются необходимым оружием и патронами. Информация, которую мне удалось собрать, доказывает, что эти слухи полностью лишены оснований... Впрочем, общеизвестно, что агенты Абд-аль-Кадира находят поддержку только в Ливорно»⁵.

Действительно, 12 мая 1836 г. французский консул в Ливорно сообщил, что три корабля, груженные 30–50 бочонками пороха каждый, готовы отплыть в Тунис⁶. Этот случай был далеко не единичным. Консул отмечал в своих донесениях Тьеру, что финансовая выгода от оружейного

¹ BNF. Papiers de Thiers. NAF. № 20064. Fol. 34. Dépêche de Thiers à Roussin, 2 juillet 1836.

² ААЕ. Correspondance politique. 1836. Maroc. Vol. 4. Fol. 18. Mechin à Thiers, 25 février 1836.

³ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Maroc. Vol. 4. Fol. 25. Mechin à Thiers, 30 mars 1836.

⁴ La Gazette de France. 1836. 28 mai.

⁵ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Maroc. Vol. 4. Fol. 43. Mechin à Thiers, 30 août 1836.

⁶ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Sardaigne. Vol. 307. Fol. 14. Rumigny à Thiers, 12 mai 1836.

трафика в сторону Алжира и Туниса настолько велика, что толкает капитанов судов на новые преступления, несмотря на охоту за ними французского флота¹.

Хотя доказать связь британских агентов с волнениями в Северной Африке и попытками воспрепятствовать усилению французского влияния в этом регионе не удалось, было очевидно, что правительство Великобритании считало средиземноморский регион стратегически важным для себя. В письме к генералу Ф. Себастиани Тьер высказал предположение о том, что за событиями в Тунисе могли стоять британские власти². Как отметил современный британский исследователь Ч. Гамильтон, «в 1836 и 1837 гг. британцы устроили демонстрации возле Тунисского побережья – с целью напомнить Франции, что не только она является державой, имеющей военно-морской флот в Средиземноморье»³.

Ярким доказательством стремления Лондона к господству в Средиземноморье служила позиция Великобритании в связи с оккупацией Францией Анконы (с 1832 г.), ранее принадлежавшей Папскому государству. Из всех великих держав только Великобритания хотела, чтобы Франция покинула Анкону. По этому поводу французский посол в Риме передавал в Париж: «Я был тайно проинформирован, что Пальмерстон подписал крайне секретную ноту, в которой побуждал папский кабинет немедленно положить конец оккупации иностранными войсками наиболее важной позиции в Адриатическом море <...> Британский кабинет не должен положиться на волю случая и подвергать опасности владение Ионийскими островами и не должен позволить иностранной державе завладеть какой-либо позицией <...> которая может, используя союз с другими державами, навредить торговым интересам Англии...»⁴

Основной задачей Великобритании в Средиземноморье было обеспечение контроля над Османской империей, что было необходимо для обеспечения безопасности торговых путей в Индию, наиболее ценного из колониальных владений Великобритании. До открытия Суэцкого канала в 1869 г. реальной альтернативы сложному и неудобному маршруту вокруг мыса Доброй Надежды из Англии в Индию не было. Однако с появлением в 30-х гг. XIX в. железных дорог и кораблей с паровыми двигателями по-

¹ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Sardaigne. Vol. 307. Fol. 17. Rumigny à Thiers, 12 mai 1836.

² ААЕ. Correspondance politique. 1836. Angleterre. Vol. 647. Fol. 24. Thiers à Sebastiani, 29 juillet 1836.

³ Hamilton C.I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840-1870. Oxford, 1993. P. 12.

⁴ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Rome. Vol. 977. Fol. 21. La Tour de Maubourg à Thiers, 31 mai 1836.

явилась возможность установить быстрое сообщение между Лондоном и Британской Индией через Средиземное море. Поэтому британское правительство стало проявлять большой интерес к Месопотамии.

В период министерства Тьера в 1836 г. французский агент в Багдаде аббат Триош отправил французскому послу в Константинополе адмиралу Руссену письмо, в котором сообщалось о планах англичан построить железную дорогу, устанавливающую сухопутное сообщение между городами Восточного Средиземноморья и Персидского залива, и восстановить канал между реками Тигр и Евфрат, по которому могли бы курсировать пароходы. Все эти меры были нацелены на то, чтобы обеспечить более короткий путь в Индию¹. Только в 1837 г. англичане пришли к выводу, что не стоит полагаться на железнодорожное сообщение через Месопотамию, учитывая в том числе и нестабильную политическую ситуацию в ближневосточном регионе. Прежний проект был заменен на новый: к 1836 г. уже существовало регулярное пароходное сообщение между Мальтой и Саутгемптоном. К тому же проводились пробные рейсы между Суэцем и Индией. Необходимо было, с одной стороны, организовать рейсы между Мальтой и Египтом, а с другой – надежное наземное сообщение между портами Средиземного и Красного морей. Эти маршруты были жизненно важны для поддержания мощи и величия Британской империи. Обладая Гибралтаром, Мальтой и Ионическими островами как опорными базами в Средиземноморье, Великобритания не желала французской конкуренции в средиземноморском регионе. Поэтому завоевание французами Алжира рассматривалось в Лондоне как явная угроза британским интересам.

Беспокойства добавляла и сложная международная обстановка, на Ближнем Востоке в 30-х гг. XIX в. В основе этого конфликта лежало противоборство Мухаммеда Али, паши Египта, формально находившегося в составе Османской империи, и турецкого султана. Начало конфликта относится к 1831 г., когда Мухаммед Али, не желавший больше подчиняться Порте, начал военные действия против султана. Турецкая армия была быстро разгромлена египтянами, возникла угроза территориальных потерь Османской империи. Порта обратилась за помощью к европейским державам, но эта просьба не нашла отклика у французского и британского правительств, озабоченных в тот момент внутривосточными сложностями в собственных странах. В итоге Россия, единственная из великих держав, оказала помощь султану, сумев привязать к себе турецкое правительство. Таким образом, несмотря на соперниче-

¹ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 34. Roussin à Thiers, 2 mars 1836.

ство в Средиземноморье, у Франции и Великобритании появился общий интерес – воспрепятствовать усилению позиций России в этом регионе.

Когда Тьер возглавил правительство Франции, он продолжил соответствующий политический курс своих предшественников и стал настойчиво добиваться эвакуации русских войск из Силистрии. В соответствии с Адрианопольским договором 1829 г. русские войска оккупировали эту область до тех пор, пока Порты не заплатит долги по условиям Адрианопольского договора. Когда искомая сумма была выплачена, Россия в 1836 г. покинула Силистрию. Французский посол в Константинополе адмирал Руссен с удовлетворением писал Тьеру: «Спешу сообщить Вам, что реис-эфенди (министр иностранных дел Османской империи. – *И.И.*) только что конфиденциально проинформировал меня об окончательном завершении переговоров об уплате турецкого долга и уходе русских из Силистрии...»¹

Инцидент, произошедший в 1836 г., едва не помешал усилиям Англии и Франции по ослаблению позиций России в Восточном Средиземноморье. Суть происшествия состояла в том, что коммерсант и одновременно корреспондент двух влиятельных английских газет британский поданный Черчилль во время охоты ранил одного турка, не соблюдая при этом действовавших в Турции охотничьих правил. За это он был арестован, избит, посажен в тюрьму, а затем отправлен на каторжные работы. При этом власти Османской империи не обратили никакого внимания на ранее подписанные конвенции, предусматривавшие принцип экстерриториальности. Согласно положениям этих конвенций, суд над находящимися на территории Османской империи иностранцами должен был проходить в соответствии с законами страны, откуда прибыл иностранный гражданин, и судебной системой этой страны, и никак иначе. Таким образом, дурное обращение с Черчиллем противоречило договорам, подписанным ранее Портой.

Послы Великобритании и Франции в Константинополе согласовано выразили официальный протест турецкому правительству². Однако английский посол лорд Понсонби не удовлетворился официальными извинениями Порты. Он потребовал ни много ни мало отставки министра иностранных дел Османской империи, угрожая этому государству объявлением войны в случае отказа. Неожиданное развитие ситуации обеспокоило правительство Июльской монархии. Тьер писал французскому по-

¹ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 36. Roussin à Thiers, 23 mars 1836.

² ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 21. Roussin à Thiers, 12 mars 1836.

слу в Лондоне генералу Себастиани: «Вот новое дело, которое вызвано вспыльчивостью лорда Понсонби в Константинополе... Меня беспокоит сам предмет разговора. Возможно, правильно сделали, что протестовали против ужасного обращения, допущенного в Константинополе в отношении англичанина Черчилля, а адмирал Руссен сам сделался выразителем этих справедливых требований, тем самым выражая наши истинные намерения. Но мера нужна во всем. Требовать отстранения реис-эфенди, заявлять о готовности объявить войну, о разделе Османской империи, если не примут условий, – это, в самом деле, уже слишком. Никогда мы не согласимся отстранить своего министра по приказу зарубежного правительства. Хотя Порта жестоко обращалась с торговцем Черчиллем, мы не должны применять к ней политику талиона и таким же образом грубо обходиться с ней. Мы стараемся отдалить ее от России, мы начали преуспевать в этом, долгое время мы организовали различные политические комбинации, но всего за один день мы сделали так много, чтобы подтолкнуть ее в сторону российского протектората и военных кораблей! В самом деле, это неразумно...»¹ Инцидент закончился тем, что 16 июня 1836 г. султан отстранил от должности своего министра, доверив ему другой почетный пост. Султан меньше всего хотел, чтобы его решение выглядело как уступка перед английской угрозой, поэтому за четыре дня до этого, 12 июня, он отклонил прошение об отставке своего министра иностранных дел, тем самым выдержав паузу.

Случай с коммерсантом Черчиллем показал, что в 1836 г. главным врагом Франции на Востоке Тьер считал Россию, а не Англию, и его ближневосточный курс сводился преимущественно к поддержке инициатив Лондона. В то же время Франция пыталась в качестве инструмента своего влияния на Ближнем Востоке использовать свое положение как защитницы всех католиков в Османской империи. Особую роль французское правительство и лично Тьер придавали делу защиты армянской католической Церкви в Османской империи. Так, например, французский посол адмирал Руссен сообщал Тьеру о происках латинского викария в Константинополе, «чтобы узурпировать духовную юрисдикцию патриарха армянской католической Церкви»². В споре Святого престола и армянской католической церкви Тьер встал на сторону армянской Церкви и даже обратился к папе римскому, чтобы тот согласился с предложениями «депутатов армянской нации»³. Причины такой позиции французского правительства объяснялись Тьером в письме к адмиралу Руссену: «Нам следует поддер-

¹ BNF. Papiers de Thiers. NAF. № 20063. Fol. 17. Lettre de Thiers à Sebastiani, 23 juin 1836.

² ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 9. Roussin à Thiers, 1 mars 1836.

³ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 16. Thiers à Roussin, 9 mars 1836.

жать независимость армянской католической церкви. Это очень важно для нас, так как является одним из лучших проявлений нашего влияния на Востоке. За этим делом с большим интересом следит правительство короля (имеется в виду правительство Тьера 1836 г. – *И.И.*)»¹.

Несмотря на то, что Июльская монархия играла большую роль в защите католицизма за пределами Европы и в качестве посредника участвовала в разрешении спорных вопросов между Святым престолом, с одной стороны, и Швейцарией, Бразилией, Португалией, с другой, а также поддерживало католических миссионеров, отправлявшихся в Латинскую Америку, в данном случае французское правительство выступило против еще большего распространения влияния Рима на Восток. Правительство Июльской монархии было заинтересовано в том, чтобы немного потеснить Рим и представить себя в качестве главного покровителя католиков-христиан, проживавших в пределах Османской империи, чтобы использовать их как агентов влияния Франции в регионе.

В годы Третьей республики, когда Тьер стал главой исполнительной власти, а затем и первым президентом, он вновь ненадолго вернулся к вопросу о поддержке армянской католической церкви на Ближнем Востоке. В письме к французскому послу в Константинополе Мелхиору де Вогюэ Тьер выразил озабоченность положением христиан на Ближнем Востоке, тем более что армяне неоднократно писали петиции на имя Тьера на всем протяжении его президентства. 9 сентября 1872 г. Тьер даже планировал организовать встречу двух послов – посла в Константинополе Вогюэ и посла при Святом престоле графа Бургана, чтобы обсудить положение армянской католической церкви в Османской империи². Однако эта встреча в итоге не состоялась, а Тьер заключил, что «армянский вопрос не поддается урегулированию», и что «окончательное решение армянского вопроса, если оно вообще состоится, не произойдет так скоро»³. Очевидно, такая позиция Тьера была вызвана сложным международным положением, в котором оказалась сама Франция в 70-х гг. после поражения во Франко-прусской войне.

Возвращаясь к 1836 г., можно отметить тенденцию, которая активно проявится в период второго Восточного кризиса 1839–1841 гг., а именно стремление Тьера опереться в средиземноморской политике Франции на египетского пашу Мухаммеда Али. Ставка на Мухаммеда Али разделялась далеко не всеми во французском дипломатическом корпусе. Так, по-

¹ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 17. Thiers à Roussin, 9 mars 1836.

² BNF. Papiers de Thiers. NAF. № 20626. Fol. 27. Lettre de Thiers à Vogüé, 9 septembre 1872.

³ Bibliothèque Thiers. Fonds Thiers. 1re série. Dossier 24. Lettres de M. Thiers adressées à divers (1824 à 1877). Ms 1312. F. 1.

сол Франции в Константинополе адмирал Руссен считал эту поддержку египетскому паше чрезмерной: «Менее чем когда-либо возможно сохранять в покое одновременно два исламских государства, так близко друг к другу расположенных. Провал будет обеспечен, если не высказаться за одно из государств. Мое мнение заключается в том, что не следует колебаться. Я не говорю, что следовало бы уничтожить египетского пашу, но показать бо́льшую, чем это делалось раньше, заинтересованность в султани и воспользоваться всеми благоприятными обстоятельствами, чтобы доставить ему территории, которые он потерял...»¹

Однако в целом можно констатировать, что во французском обществе Мухаммед Али пользовался большой симпатией. Ему еще в начале XIX в. удалось установить свою власть в Египте и провести ряд важных реформ, создать сильную армию и флот, а затем благодаря успешным военным кампаниям значительно расширить пределы своих владений². Образ политического реформатора, талантливого военачальника и поклонника Франции обеспечил Мухаммеду Али поддержку французского общественного мнения. В Париже горячо поддерживали стремление Мухаммеда Али отделиться от Османской империи и создать крупное арабское государство, включавшее Сирию и Ливан, поскольку усиление Мухаммеда Али автоматически влекло за собой укрепление позиций Франции на Ближнем Востоке.

Египетский паша также был заинтересован в военно-политическом и экономическом сотрудничестве с Францией, а потому окружил себя французскими советниками. В самом деле, Франция извлекала различные экономические выгоды от сотрудничества с ним³. Египет был отличным рынком сбыта французской продукции и одновременно источником сырья для промышленности Франции⁴. Французским фабрикантам в первую очередь был необходим хлопок и шелк-сырец, импортируемый ими из Египта, Сирии, Ливана и Палестины – территорий, входивших в сферу интересов французского капитала.

В то же время Великобритания была не в меньшей степени заинтересована в контроле ближневосточных рынков, так как в течение 30–40-х гг. XIX в. спрос на хлопок в Англии невероятно возрос, а главным его

¹ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 11. Roussin à Thiers, 7 février 1836.

² Sabry M. L'Empire égyptien sous Mohamed Ali et la question d'Orient (1811–1849). P., 1930. P. 7–12.

³ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Alexandrie. Vol. 26. Fol. 13. Cochelet à Thiers, 27 février 1836.

⁴ Verney N., Dambmann C. Les Puissances étrangères dans le Levant, en Syrie et en Palestine. P., 1900. P. 550.

поставщиком был как раз Египет¹. Британские предприниматели пытались закрепиться в Египте, направляли туда своих представителей и предоставляли египетским крестьянам-феллахам ссуды для выращивания хлопка. Заключение англо-турецкого торгового договора 1838 г. предоставило англичанам огромные привилегии и преимущества перед конкурентами. Однако стремление британцев монополизировать торговые отношения с Османской империей и подконтрольными ей территориями встречало жесткое сопротивление во Франции. Так, по настоянию правительства Июльской монархии в конце 30-х гг. Мухаммед Али выслал из Египта британских эмиссаров Дринкуотера и Росса² и с одобрения французского кабинета министров отказался распространять условия англо-турецкого договора 1838 г. на территорию Египта, что, возможно, предопределило решимость правительства Англии покончить с притязаниями египетского паши на ближневосточные территории.

Вопрос о принадлежности Сирии оставался главным территориальным вопросом, который по итогам первого Восточного кризиса 1832–1833 гг. по существу не был решен. Поэтому постоянно существовала угроза нового военного конфликта, который, по замечанию адмирала Руссена, мог случиться «буквально со дня на день»³. В этом ближневосточном конфликте Тьер увидел отличную возможность повысить международный престиж французской монархии. Он понял, что египетская проблема может объединить французскую нацию. Тьер считал, что настал удачный момент для более масштабной внешней политики Франции⁴.

Поклонник Наполеона I Адольф Тьер надеялся, что Июльская монархия сможет стать наследницей величия империи Наполеона. «В любой стране необходимо всегда поддерживать, культивировать дух величия... Когда нет величия от войны, надо, по крайней мере, дать стране величие мира»⁵ – такова была установка Тьера в первой половине 30-х гг. Поэтому в период с января 1833 г. по начало апреля 1834 г., когда он возглавлял министерство торговли и общественных работ, успешно завершились реконструкция старых и строительство новых крупных объектов, принятых предыдущими правительствами Франции. Среди них Триумфальная арка на площади Этуаль, церковь Мадлен, площадь Согласия, Пантеон, школа изящных искусств, Коллеж де Франс, базилика Сен-

¹ *Puryear V.-I.* International Economics and Diplomacy in the Near East. N.-Y., 1935. P. 23.

² *Ibidem.*

³ ААЕ. Correspondance politique. 1836. Turquie. Vol. 272. Fol. 34. Roussin à Thiers, 13 août 1836.

⁴ *Игнатченко И.В.* Франция и Восточный кризис 1839–1841 гг. // НиНИ. 2012. № 4. С. 69–84.

⁵ *Thiers A.* Discours parlementaires de M. Thiers. Vol. 1. P. 124.

Дени. Кроме того, сам Тьер инициировал строительство ряда монументов во французской столице, предложив потратить на их сооружение 100 млн франков в течение пяти лет. Строительство крупных монументальных сооружений, напоминавших французам о былых победах французского оружия, должно было, по замыслу Тьера, сплотить французов вокруг Июльской монархии и придать величия Франции.

Однако к концу 30-х – началу 40-х гг. строительства Триумфальной арки или появления статуи Наполеона на Вандомской колонне, по мнению Тьера, уже было явно недостаточно для консолидации Июльской монархии, и он полагал, что только активная внешняя политика может объединить нацию. По его мнению, никакое правительство во Франции не протянет долго, если не будет проводить активную политику вовне. Еще в 1836 г., накануне своей отставки, вызванной разногласиями с королем Луи-Филиппом по испанскому вопросу, Тьер написал королю крайне эмоциональное письмо: «Нигде в мире нет места для политики слабости. Избегать опасностей любой ценой – это не осторожность, а самообман <...> Безопасность завоевывается смелостью...»¹

Необходимо отметить, что в 1836-1839 гг. представления Тьера о войне и мире претерпели определенную эволюцию. Все больше времени проходило с момента Июльской революции 1830 г. Режим Июльской монархии, как тогда казалось, прочно утвердился во Франции. За рубежом Луи-Филиппа уже не считали узурпатором, французская армия становилась всё сильнее. Поэтому Тьер подчеркивал в своей речи от 12 января 1838 г.: «Если вам (обращается он к правительству Л.-М. Моле. – *И.И.*) было необходимо в течение первых семи лет убеждать весь мир, что вы не желаете войны, то остерегайтесь другой ситуации, при которой вы позволите миру думать, что вы боитесь войны. Не нужно желать войны, но не нужно ее бояться»².

Чтобы не бояться войны, нужно быть сильным, подчеркивал Тьер в своей речи от 14 января 1839 г. Он подверг критике правительство Моле за то, что Франция в 1839 г. вывела свои войска из Анконы, находившиеся там с 1832 г.: «Вы провели эвакуацию, потому что вы – слабое правительство. Если бы вы были сильным правительством, вы попросили бы отсрочки в Риме и в Вене»³. По мнению Тьера, именно слабость французского правительства может привести французскую монархию к краху.

¹ BNF. NAF. Papiers de Thiers. №20607. Fol. 275–279. Lettre de Thiers à général Harispe, 3 août 1836; Lettre de Thiers à comte de Rayneval, 5 mars 1836.

² *Thiers A.* Discours parlementaires de M. Thiers. Vol. 4. P. 242.

³ *Ibid.* Vol. 4. P. 360.

Если сразу после Июльской революции 1830 г. Тьер выступал с позиций пацифизма и придерживался принципа невмешательства в дела других стран¹, то с середины 30-х гг., по мере упрочения международного положения Июльской монархии, он заговорил об исключительных сферах влияния Франции и возможности ее военного вмешательства в дела других независимых государств с тем, чтобы утвердить там национальные интересы французской монархии². Для Тьера было важно, чтобы новый политический режим ассоциировался с триумфами во внешней политике, как это было в годы Первой Империи, но без развязывания крупномасштабной войны: «Мы хотим величия, но возможного»³.

Не последнюю роль в решимости Тьера, на тот момент еще оппозиционного депутата, использовать «ближневосточную карту» сыграли письма, приходившие к нему от различных политиков. Несомненно, они отражали общественно-политические настроения, господствовавшие во французском обществе в 1840 г. Так, например, в 1839 г. Алексис де Токвиль писал Тьеру, что монархия не протянет долго, «если взращивается идея, что мы, некогда сильная и великая нация, теперь никуда не вмешиваемся, и позволяем всем обходиться без нас... подобная идея будет куда более фатальной для нас, чем поражение в двадцати сражениях... и приведет к краху самой монархии...»⁴. Токвиль добавил, что нельзя оставаться в стороне, пока Англия и Россия решают судьбу Египта и Османской империи⁵. Подчеркивая важную роль Египта во внешней политике Франции, легитимист Пьер Антуан Берье утверждал, что «египетский вопрос – это вопрос жизни и смерти... для Франции»⁶, а герцог де Бройль называл Мухаммеда Али «нашей самой лучшей картой»⁷. Не только правые политики, такие как Берье, Монталамбер, Токвиль, но и умеренные левые, такие как О. Барро, симпатизировали Мухаммеду Али⁸. Французские политики были убеждены, что Франция должна оказать поддержку египетскому паше в его конфликте с турецким султаном за обладание Сирией. Они хорошо понимали значение удачной внешней политики для стабильности политической системы Июльской монархии: иначе рано

¹ *Thiers A. Discours parlementaires de M. Thiers. Vol. 1. P. 90.*

² *Ibid. Vol. 1. P. 117.*

³ *Ibid. Vol. 2. P. 197.*

⁴ *Rémusat Ch. Mémoires de ma vie. P., 1960. Vol. 3. P. 449.*

⁵ *Halévy D. Le Courier de M. Thiers (d'après les documents conservés au département des manuscrits de la Bibliothèque Nationale). P., 1921. P. 324.*

⁶ *Thureau-Dangin P. Histoire de la monarchie de juillet. P., 1890. Vol. 4. P. 139; Archives parlementaires de 1787 à 1860. 2e série. Vol. 105. P. 329.*

⁷ *Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P., 1859. Vol. 5. P. 378.*

⁸ *Halévy D. Le Courier de M. Thiers. P. 325.*

или поздно наступит революция и сметет режим¹. Позиция этих политических деятелей совпадала с взглядами Тьера.

Очевидно, Тьер надеялся поднять авторитет Франции на мировой арене благодаря победе египетской армии. В то же время он был против возможного втягивания Франции в любой вооруженный конфликт с европейскими державами. Так, он писал генеральному консулу в Александрии 9 октября 1840 г.: «Кровожадная партия хочет войны ради самой войны. Бейрут (захват Бейрута англо-австрийским десантом. – *И.И.*) дал им превосходный шанс. Мудрые и патриотичные люди желают мира, имеют мало надежды на его сохранение и все еще предпочитают войну позору <...> На самом деле мы не готовы. У нас вскоре будут 489 тысяч человек. Благодаря решительным усилиям у нас будет 639 тысяч человек к следующему апрелю или маю <...> Наш флот превосходит, но недостаточно велик; он выиграет первое сражение и проиграет последнее <...> мы не должны начинать войну, кроме случая абсолютной необходимости»².

В конечном итоге, в ходе второго Восточного кризиса, дипломатия Тьера потерпела фиаско, а стратегические позиции Франции на Ближнем Востоке оказались ослаблены. Великобритании удалось подорвать французское влияние и усилить свое экономическое и политическое проникновение в Сирию и Ливан. Кроме того, ее позиции значительно окрепли и в самом Египте. Сведя к минимуму власть Мухаммеда Али в Египте, Великобритания похоронила проект создания великой арабской империи под покровительством Франции.

Вместе с тем обострение международного конфликта способствовало развитию французской армии и флота, чему активно содействовал Тьер. Именно при его правительстве в 1840 г. французский военный флот был доведен до девятнадцати линейных кораблей – столько же линейных кораблей насчитывалось в британской Средиземноморской эскадре. При этом следует учитывать, что корабли ВМФ Франции превосходили свои британские аналоги по мощи артиллерии. Кроме того, Тьер по-настоящему напомнил французам о позабытом величии Франции, что отразилось в том числе в переименовании в ноябре 1840 г. нескольких строящихся линейных кораблей: «Бусентавр» стал «Ваграмом», «Диомед» – «Тильзитом», «Эоль» – «Эйлау», «Аякс» – «Аустерлицем», а «Ахиллес» – «Бреслау»³.

¹ *Jardin A.* Alexis de Tocqueville, 1805–1859. P., 1984. P. 296–297, 303.

² ААЕ. Correspondance politique. 1840. Alexandrie. Vol. 26. Fol. 56. Thiers à Cochelet, 9 octobre 1840.

³ *Hamilton C.I.* Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870. P. 24.

Тьер никогда не был профессиональным востоковедом, ученым-эрудитом, но он в качестве политического деятеля продолжал традиционный курс французской монархии в делах Востока. Как вспоминал сам Тьер, его политика в 30–40-х гг. следовала традициям Людовика IX Святого и Людовика XIV, продолженным при Наполеоне I, который и заложил в начале XIX в., во время Египетского похода 1798–1801 гг., основы франко-египетского сотрудничества. Тьер подчеркивал в своих речах, что Египет был зоной французских интересов еще при Людовике IX Святом в XIII в.¹

Возможно, слепое стремление обеспечить Франции «престиж» сыграло с Тьером злую шутку – Франция в начале 40-х гг. XIX в. объективно не располагала возможностями для противодействия английским амбициям в ближневосточном регионе. В то же время в период кризиса Тьер привлек внимание французозов к проблемам состояния французской армии, и главное, военного флота, которые впоследствии стали орудием успешной колониальной политики Франции во второй половине XIX в. И это, безусловно, заслуга Тьера и его на первый взгляд авантюрной политики в период второго Восточного кризиса.

Список литературы

- Игнатченко И.В.* Франция и Восточный кризис 1839–1841 гг. // Новая и новейшая история. 2012. №. 4. С. 69–84.
- Allison M.S.J.* Thiers and the French monarchy. Boston, 1926.
- Blanc L.* Histoire de dix ans. 1830–1840. P., 1843. Vol. 2.
- Blanc L.* Histoire de dix ans. 1830–1840. P., 1844. Vol. 5.
- Garnier I.* Charles X. P., 1967.
- Guizot F.* Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P., 1859. Vol. 5.
- Halévy D.* Le Courrier de M. Thiers (d'après les documents conservés au département des manuscrits de la Bibliothèque Nationale). P., 1921.
- Hamilton C.I.* Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870. Oxford, 1993.
- Hugo V.* Choses vues. 1830-1871. P., 1887.
- Jardin A.* Alexis de Tocqueville, 1805–1859. P., 1984.
- Knibiehler Y.* Naissance des sciences humaines. Mignet et histoire philosophique au XIX siècle. P., 1973.
- La Gazette de France, 1836.
- Le Constitutionnel, 1836.
- Le Journal des Débats, 1836.
- Le National de 1830.

¹ *Thiers A.* Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 6. P. 320.

Puryear V.-I. International Economics and Diplomacy in the Near East. N.-Y., 1935.

Rémusat Ch. Mémoires de ma vie. P., 1960. Vol. 3.

Roux G. Thiers. P., 1948.

Sabry M. L'Empire égyptien sous Mohamed Ali et la question d'Orient (1811–1849). P., 1930.

Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. P., 1879. Vol. 1, 2, 4.

Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. P., 1880. Vol. 5, 6.

Thureau-Dangin P. Histoire de la monarchie de juillet. P., 1890. Vol. 4.

Verney N., Dambmann C. Les Puissances étrangères dans le Levant, en Syrie et en Palestine. P., 1900.